

Полуденное солнце светило ярко, и Цзи Цинъюэ сидел в соломенной хижине, систематизируя всю информацию, услышанную за последние несколько дней, попутно планируя свои дальнейшие действия.

Внешний мир находился под управлением феодальной династии с девизом правления Ли. Это была незнакомая ему династия, и он понятия не имел, похожа ли она хоть на одну из известных ему исторических эпох, а от этого зависело, сможет ли он найти исторические параллели и опереться на готовый опыт.

Сам же он оказался заперт внутри картины, которую Ли Сылан назвал Картиной сосновой рощи и соломенной хижины.

Исходя из названия, любой, кто любовался этой картиной со стороны, видел скромную хижину и ряды переплетающихся сосен.

На свободных участках земли разного размера по обе стороны от хижины редко росли сосны и какие-то неизвестные лиственные деревья. В правом нижнем углу картины горный ручей, извиваясь, тек издали: вначале тонкий, он постепенно расширялся, пробивался сквозь камни, и казалось, будто можно было физически ощутить звонкий плеск летящих брызг.

Наконец вода заполняла низину, а оттуда устремлялась вдаль.

Над ручьем был перекинут дощатый мостик.

С точки зрения зрителя, рассматривавшего картину, самым близким и самым крупным объектом как раз и был этот деревянный мостик через ручей. Мостик соединял оба берега: по эту сторону находилась хижина, а по ту — мир того, кто любовался полотном.

За хижинкой тянулся сосновый бор, а еще дальше вздымались к самым облакам далёкие горы, густо поросшие зеленью. Из ущелья выглядывали пышные кроны деревьев, и можно было едва разглядеть низвергающийся из расщелины между двумя пиками горный поток. Брызги взлетали так высоко, что скрывали расселину в скале, а поднимающиеся клубы тумана окутывали горы, полностью оправдывая строки поэта-бессмертного: Словно бурный поток с трех тысяч саженей летит, это Млечный Путь падает прямо с небес.

Владельцами этой картины была семья по фамилии Ли. Они жили большим семейством из четырёх поколений, но уже разделились: родовой дом находился в центре деревни, и сейчас под одной крышей ютилось чуть больше десятка человек.

Подростками в семье были шестеро детей из третьего поколения: старшие брат и сестра уже обзавелись семьями, а пару дней назад Ли Эрлану исполнилось шестнадцать лет. Взрослые отвели его в уездное управление, чтобы внести имя в списки налогоплательщиков, после чего государство выделило юноше сто му земли. В течение следующего месяца всей семье предстояло заниматься освоением целины.

Говорили, что лучше всех в семье Ли была развита грамотность у третьего сына, который совсем недавно вернулся домой на осенние каникулы. Вслед за Саньланом училась младшая сестрица, а самым младшим был Ли Сылан, которому только предстояло пойти в школу и начать обучение. Из-за того, что паренька пару дней назад угостили двумя лепёшками, отец избил его так, что он до сих пор не мог подняться с постели.

Судя по уровню распространения грамотности в семье Ли, династия Да-Ли уделяла огромное внимание образованию и активно поощряла обучение детей, причем в школу ходили даже девочки. Это свидетельствовало о том, что терпимость к женщинам и уровень открытости общества в династии Да-Ли были довольно высокими.

Цзи Циньюэ продолжил рассуждения: географически семья Ли, судя по всему, находилась на севере, недалеко от границы. Война еще не завершилась полностью, и существовала вероятность набегов внешних врагов.

Климат здесь стоял засушливый, земли были обширными и малонаселенными. Получить сто му земли на человека не составляло труда, и ситуация, когда у многолюдного семейства набралось бы несколько сотен или даже тысяч му пашни, не казалась чем-то необычным.

Живи эта семья в современную эпоху, они бы чистойшей воды землевладельцами.

Цзи Циньюэ также выяснил, что главной сельскохозяйственной культурой здесь была чумиза, которую также называли просом, — именно ею люди платили подати чиновникам. Под влиянием климата и прочих факторов местные жители привыкли питаться лепешками и другой едой, способной долго храниться.

Пока телефон еще не разрядился, он заметил, что, за исключением года, месяц и час совпадали с тем временем, когда он только провалился сюда, — стоял октябрь. Хотя нет, октябрь — это по новому стилю, а в древних династиях пользовались лунным календарем, так что сейчас шел девятый месяц.

По сравнению с пряностями, цены на зерно здесь всегда держались на низком уровне, поэтому разбогатеть на продаже урожая было трудно, из-за чего крестьянам приходилось сводить концы с концами. Иначе разве стали бы так жестоко избивать Сылана... хотя, пожалуй, всякое бывает.

Покончив с анализом собранной информации и немного посидев в задумчивости, Цзи Циньюэ начал строить планы на будущее.

Две пшеничные лепешки, которыми поделился Ли Сылан, были размером с два человеческих лица и толщиной в полтора пальца. Судя по весу, каждая лепешка тянула по меньшей мере на цзинь или два. За последние два дня он съел половину лепешки, и если оставшееся расходовать экономнее, то продержаться дней десять не составит труда.

Самое же главное — он случайно обнаружил у здешней земли скрытую способность — чит-код, ускоряющий рост растений. Насколько именно кратно ускорялся рост, пока оставалось неясным, это еще предстояло проверить на практике.

Поразмыслив над всем, он пришел к выводу, что у него оставался лишь один путь — заниматься земледелием.

Это был навык выживания, вписанный в генетический код каждого хуасясца.

Глобальная цель была поставлена, дальше следовали бесчисленные мелкие задачи: для начала заработать себе один... кхм... во-первых, требовалось вспахать землю, затем раздобыть семян и, наконец, воплотить в жизнь генеральную задачу: обрести самостоятельность, самообеспеченность и жить в сытости и достатке.

А вдруг, чисто гипотетически, удастся найти способ выбраться отсюда наружу?

После сбора урожая понадобится место для хранения зерна. К тому же он безумно тосковал по домашней еде, так что ему непременно требовалась кухня, а еще кровать и мягкое одеяло...

По мере того как мысли неслись вперед, Цзи Цинъюэ вдруг резко опомнился, осознав кое-что, о чем совершенно забыл до сих пор.

Здесь он испытывал и жажду, и голод, но почему у него совсем не возникало потребности сходить в туалет? Неужели потому, что это живописная обитель бессмертных, где не дозволено осквернять здешние места ни малейшими нечистотами?

Строить туалет не придется.

Вскоре мысли Цзи Цинъюэ переключились на другое: если побег мармеладного дерева благополучно приживется, куда его потом пересадить? Нельзя же оставлять его рядом с хижинкой — если дерево пойдет в рост, те братья неизбежно заподозрят неладное.

Цзи Цинъюэ уже успел осмотреть окрестности: помимо площадки перед хижинкой, с левой и правой стороны от нее имелись несколько неровных клочков земли. Стоило лишь расчистить занимавшие место сосны, как левый участок можно было превратить в огород, а правый — оказавшийся побольше — использовать под строительство дома.

Причины, по которым он выбрал для стройки именно правый участок, были и другими, но о них стоило рассказать позже.

Ранее Цзи Цинъюэ срезал дикую траву на краю низины, где та буйно разрослась сплошным ковром. Если в будущем удастся раздобыть семена каких-нибудь водных растений, их можно будет посадить как раз в этой низине.

Все остальное пространство дальше занимал сосновый бор, и трудно было сказать, что там вообще могло вырасти.

Цзи Цинъюэ мысленно набрасывал план и расставлял все по местам, готовясь к земледелию. Прежде чем он завоеует доверие семьи Ли, трогать площадку перед хижинкой было нельзя: если в один прекрасный день братья обнаружат, что на картине внезапно появился огород, они мгновенно догадаются, в чем дело.

Его взгляд упал на небольшой пустой пятачок позади хижинки. Тот как раз скрывался за ее стеной, так что его вполне можно было распахать под самый первый пробный участок, а саженец мармеладного дерева пересадить туда же, смешав с зарослями всякого бурелома — так его вряд ли кто-то заметит.

Сказано — сделано. Цзи Цинъюэ обошел хижинку с тыла. До подножия горы отсюда было метров семь-восемьсот, и чем ближе к склону, тем гуще становились деревья, а земля сплошным ковром покрывалась сухой сосновой хвоей и обломанными ветками.

Он принялся собирать упавшие сучья, складывая толстые в одну кучу, а тонкие — в другую, и аккуратно уложил их в углу за хижинкой.

Стоило ему закончить эту работу, как Цзи Цинъюэ уже тяжело задышал и не мог разогнуть спину. Глядя на толстый слой опавших листьев и хвои под ногами — сухих до звона, — он понял, что это идеальный материал для растопки!

Растопка?

Цзи Цинъюэ вдруг сообразил, что все эти дни напролет совершенно забывал обзавестись огнем.

Погода сейчас стояла не холодная, в тепле он не нуждался, диких зверей здесь не водилось, так что отпугивать их пламенем тоже не требовалось. К тому же в первые дни под рукой еще были телефон и компьютер. Главное же заключалось в том, что поначалу он никак не мог перестроиться и смириться с реальностью, а теперь твердо решил приспособиться к местным обычаям и выживать здесь, а значит, огонь был ему просто жизненно необходим.

Когда он начнет выращивать урожай, ему обязательно потребуется огонь для готовки.

Закончив расчищать ветки, Цзи Цинъюэ подобрал суковатую палку и, используя ее вместо грабеля, сгреб опавшую хвою и листья в одну кучу, ссыпав все в укромном месте. Этот мусор годился не только для растопки: если заделать его в землю при перекопке, он отлично повысит плодородие почвы.

Расчистив участок размером примерно семь-восемь квадратных метров, Цзи Цинъюэ наметил

несколько точек на границе с лесом, намереваясь пересадить туда росток мармеладного дерева.

После этого он отыскал толстую палку толщиной с человеческую руку, сходил с ней к ручью, немного заострил конец о камень, собираясь использовать импровизированную палку-копалку вместо мотыги.

Цзи Цинъюэ изо всех сил вогнал заостренную деревяшку в землю и, налегая на нее весом тела, принялся выворачивать пласты грунта, постепенно разрыхляя почву.

Когда с этим было покончено, он с неожиданным удивлением обнаружил, что на дворе уже вечер.

Дел было немного, но выполнялись они неторопливо, и время за ними летело незаметно.

В это время домочадцы семьи Ли уже собрались вместе, шумно и оживленно ужиная, а Ли Сылан, прихрамывая, вышел к остальным поест. После двух дней лечения раны на заднице заметно затянулись.

За ужином глава семейства, отец Ли, с суровым лицом наказал младшему сыну: Завтра чуть свет придут правительственные сборщики налогов, сиди дома, залечивай раны да присмотри за Туаньланом.

Ли Сылан послушно кивнул: Слушаюсь, отец.

Власти уже несколько лет не забирали у деревни незанятые земли, но на этот раз под пашню выделяют в основном удаленные надеры, так что нам нужно успеть перепахать землю и засеять ее до наступления заморозков. Отец Ли надеялся, что выделенные участки окажутся поплодороднее да поближе, но суровая реальность выглядела иначе.

Мы с невесткой принесем вам еду и воду! — Ли Сылан, запивая похлебкой лепешку, говорил с набитым ртом.

Глядя на то, как младший сын с аппетитом уплетает лепешку, проявляя детскую наивность, отец Ли слегка пожалел о содеянном: И впрямь хватил лишнего, когда бил.

Ли Суйши по прозвищу Суй Цин из-за пережитого в прошлом вела замкнутый образ жизни, избегала выходить за пределы усадьбы и занималась лишь домашними делами. Теперь же, когда рабочих рук в семье катастрофически не хватало, уклониться от работы она не могла: Отец, может, я пойду с вами? Возьмем с собой еды на несколько дней, не придется бегать туда-сюда каждый день, да и в поле сподручнее.

Старший сын Ли притянул к себе жену: Нельзя. Туаньлан не сможет ночевать под открытым

небом, да и за зерном в доме кто-то должен присматривать. Отец, нам вовсе необязательно каждый день питаться горячим супом и лепешками, пусть по вечерам Эрлан и Цзиньнян возвращаются домой, а на рассвете приносят с собой дневной запас еды, днем же Циннян останется хозяйничать дома.

Это предложение встретило всеобщее одобрение: оставлять зерно без присмотра и впрямь было нельзя, к тому же оставлять ночью одну женщину с двумя детьми в доме — слишком опасно. Раз уж возвращаться, то пусть и Ли Цзиньнян идет с ними: отсутствие девчонки в поле в течение пары часов погоды не сделает.

Хорошо, нынче же ночью напечем сухих лепешек впрок!

Обычно после ужина все расходились по комнатам умыться, но теперь закипела работа: женщины при тусклом свете масляной лампы пекли лепешки на кухне.

Хлопоты затянулись далеко за полночь, и четыре женщины напекли почти сотню цзиней лепешек!

В четырех поколениях семьи Ли самым старшим был дед Ли, которому едва стукнуло пятьдесят пять, а также отец Ли и три его подросших молодца. И ладно старший и средний сыновья, с детства привычные к крестьянскому труду, но даже третий сын, учившийся грамоте, ел за двоих — все трое отличались отменным аппетитом. Женщины ели поменьше мужчин, но после тяжелого трудового дня на голодный желудок могли умять целую большую лепешку.

При таком аппетите закрома опустошались едва ли не через полмесяца после того, как их заполняли свежим зерном, и приходилось снова отправляться в деревню молотить муку.

Пока женщины хлопотали на кухне, три брата вместе с дедом и отцом выкатили из амбара за главной комнатой зерно, подготовленное для завтрашней уплаты налога, и аккуратно уложили мешки на телегу, чтобы чуть свет отправиться к месту сбора.

Уездная управа назначила несколько точек сбора зерна, обычно располагавшихся где-то между несколькими деревнями. Староста уже прошел по селению с гонгом, оповещая каждую семью. На месте чиновники должны были ожидать с учетными книгами. На всё про всё отводилось три-пять дней, и тем семьям, которые не успевали сдать налог в срок, грозила тюрьма.

Старший Ли пристально вглядывался в ряды мешков на телеге, пересчитывая их, и в очередной раз напутствовал внуков: Завтра народу будет гибель, вы трое не отходите от телеги далеко. Мы с дедом займемся записями, а когда подойдет ваша очередь взвешиваться, просто подкатите телегу к весам.

Все трое братьев дружно отозвались: Слушаемся.

Законы династии Да-Ли гласили, что каждый достигший шестнадцати лет мужчина и женщина обязаны выплачивать подушную подать зерном — по две дэнь чумизы с человека.

В дни сбора налогов дороги заполнялись людьми, везущими зерно. Те, у кого семьи были маленькими, в одиночку тащили пару мешков, а в многолюдных семействах привозили по несколько десятков дэнь зерна — и это считалось нормальным. Когда эта огромная толпа вместе с громоздкими телегами скапливалась на и без того узких грунтовых дорогах, пробки возникали мгновенно. Стоило кому-то бросить зерно без присмотра и отлучиться, как тут же могли случиться неприятности.

Такое уже случалось в прошлом: кто-то из крестьян проявлял беспечность, оставляя свой воз, а возвращаясь, обнаруживал, что мешок распорот ножом, зерно рассыпано по земле, и на то, чтобы собрать его и зашить прореху, уходила масса времени. А из-за созданной на дороге пробки задерживались и остальные, превращая весь процесс уплаты налогов в хаос.

Второй сын Ли перед тем, как лечь спать, на всякий случай переспросил: Отец, плата за хлопоты приготовлена?

Готова, готова!

Ночь стояла глубокая, все погрузилось в сладкий сон, и лишь Цзи Цинъюэ бодрствовал, продолжая вести войну с куском дерева.

Очередная попытка провалилась, и Цзи Цинъюэ с горечью вздохнул в темноте: Разве Беар Гриллс добывал огонь не точно так же? Он ведь использовал сухую древесину, да еще сосновую — идеальный материал для розжига, так почему же искра никак не высекается?

Днем он потратил уйму сил, чтобы заострить палку, но теперь кончик стерся и затупился, рука ныла от напряжения, а крошечной искорки так и не появилось.

Цзи Цинъюэ был вынужден сдаться, на ощупь умылся и завалился спать, решив продолжить попытки добыть огонь трением на следующий день.

Ранним утром, едва забрезжил рассвет, семья Ли, как обычно, поднялась ни свет ни заря. Во дворе раздался грохот и стук, сменившийся привычными подгоняющими друг друга голосами.

Перед уходом мать Ли снова наказала младшему сыну: Сылан, веди себя дома тихо!

Слушаюсь, матушка!

После непродолжительной суеты двор вновь погрузился в тишину, и Цзи Цинъюэ подумал, что наконец-то сможет урвать часок на сон.

Однако явившийся гость не предоставил ему такой возможности. Из кабинета донеслись шаркающие шажки, а затем раздался детский голосок Ли Сылана — тот прижался к картине и заговорщически понизил голос: Бессмертный? Вы здесь, бессмертный?

Цзи Цинъюэ даже обрадовался. Он-то думал, что Сылан появится только к полудню, но мальчишка оказался смельчаком и прибежал едва домашние ушли.

Он поспешно отозвался: Я здесь, Сылан. Как твоя рана?

Старшие братья мазали ее несколько дней, и теперь все прошло, бессмертный! Больше совсем не болит!

Цзи Цинъюэ почувствовал укол совести: Прости меня ради бога, из-за меня тебя наказали. У меня нет возможности отблагодарить тебя, но я слышал, ты уже выучил наизусть весь текст трактата Шан дажэнь, давай я дорасскажу его до конца?

Ли Сылан пришел в полный восторг, ничуть не вина в случившемся бессмертного: Большое спасибо, бессмертный!

Сылан! Сылан! Иди завтракать! Ты где? — раздался с двора женский голос.

Бессмертный, сноха зовет меня завтракать, я загляну к вам позже, — торопливо ответил мальчик и крикнул в сторону выхода: Сноха, я в кабинете!

С этими словами Ли Сылан, придерживая рукой больное место, быстро зашагал к выходу.

Рана еще не зажила, а тебя опять понесло в кабинет? — с укоризной произнесла Сюй Цин.

Ли Сылан ласково прижался к ней, при этом его пухленькая фигурка едва доставала невестке до колен: Сноха, пойдемте есть, Туаньлан, наверное, тоже проголодался.

Сюй Цин не умела сердиться на детские ласки и лишь легко щелкнула деверя по лбу: Ах ты проказник!

<http://bllate.org/book/21408/2184622>